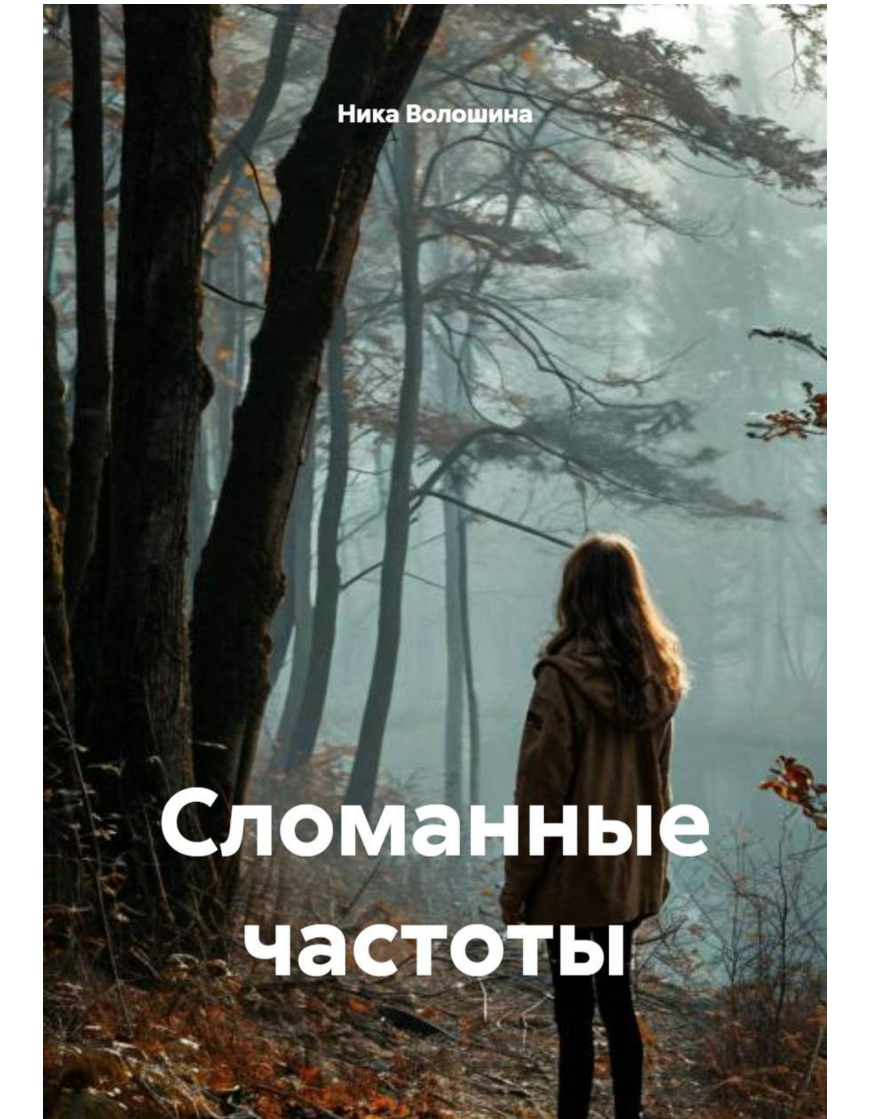

A person with long hair, wearing a brown jacket, stands with their back to the camera in a misty forest. The forest floor is covered in fallen autumn leaves, and the background is a dense, hazy forest of tall, thin trees. The overall mood is contemplative and serene.

Ника Волошина

Сломанные частоты

Ника Волошина

Сломанные частоты

<https://litres.ru/73849419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина — не отсутствие звука. Тишина — это оружие.

В мире, где 2% подростков обладают «резонансом» — способностью слышать эмоции других как музыку, — семнадцатилетняя Лена теряет слух после загадочного происшествия в консерватории. Год спустя она встречает Кая — парня, чья частота разрушает всё вокруг. Он — самый опасный резонансный в стране. Она — единственная, кто может находиться рядом и не умирать.

Но на них обоих открыта охота. Секретный проект «Резонанс» хочет превратить их в оружие. Их преследуют. Их близким угрожают. Их единственный шанс — научиться управлять своими частотами и дать бой.

Смогут ли они остаться людьми, когда их души звучат как бомбы?

Содержание

Пролог. Последняя нота	4
Глава 1. Тишина имеет вес	10
Глава 2. Консерватория	17
Глава 3. Частоты	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ника Волошина

Сломанные частоты

Пролог. Последняя нота

Я никогда не слышала музыку. Я её видела.

Знаю, звучит как бред подростка, который насмотрелся аниме. Но это правда. До того самого вечера в консерватории каждый звук имел для меня цвет и форму. Голос мамы — тёплый, янтарно-жёлтый, с шершавыми краями, как у старой пластинки. Шум дождя — серебряные нити, которые падают и разбиваются на миллион блёсток. А скрипка моя скрипка пела глубоким синим, цветом океана в сумерках, когда вода тяжелеет и вот-вот вспыхнет фосфором.

Мне было шестнадцать, когда я впервые услышала Кая.

Это случилось в Малом зале Гнесинки. Финал юношеского конкурса — неважно какого, важно только, что я стояла за кулисами, сжимая гриф своей скрипки, и ждала очереди.

Передо мной играл он.

Объявили: «Кай Ветров, семнадцать лет, Московская средняя специальная музыкальная школа имени Гнесиных». Из-за кулис вышел парень в чёрной толстовке с капюшоном — нонсенс для академического конкурса, где все в смокин-

гах и вечерних платьях. У него были коротко стриженные светлые волосы, почти под ноль, и тёмные круги под глазами, будто он не спал неделю. Сел за рояль. Он был пианистом.

Я закатила глаза. Ещё один бунтарь, который думает, что Шопена можно играть в кедах.

Он заиграл.

Это была современная пьеса — что-то Шниткеобразное, с элементами электроники. Первые такты пришли ко мне как рваные серые полосы, похожие на трещины в асфальте. Я подумала: «Ну, оригинально». Но потом

Потом музыка начала пульсировать.

Не в переносном смысле. У меня перед глазами цвета сбились в один пульсирующий ком, который расширялся и сжимался в такт басу. Мои пальцы, лежащие на грифе скрипки, задрожали в унисон. Я почувствовала, как эта пульсация проходит сквозь пол, сквозь мои стопы, поднимается по позвоночнику и ударяет в затылок.

Я не могла дышать.

Это было похоже на то, как если бы кто-то настроил мою душу на чужую волну. И волна эта была опасной. Слишком низкой, слишком громкой, слишком живой. Моя синестезия, которая всегда была моим тайным супергеройским даром, превратилась в пытку.

Он закончил. Зал взорвался аплодисментами — я их не слышала, я видела, как серебристые хлопья рассыпаются по рядам. Кай встал, не поклонился, просто кивнул куда-то в

сторону жюри и ушёл за кулисы. Когда он проходил мимо меня, наши взгляды встретились.

У него были ярко-синие глаза. Но белки — красные, в прожилках, будто он плакал или не спал месяц. Он посмотрел на меня, задержал взгляд на моей скрипке, потом на моём лице. И сказал:

— У тебя тоже?

Я не поняла.

— Что?

Он уже шагнул дальше, бросил через плечо: — Не садись за рояль после меня. Ты услышишь то, что не должна.

И исчез в темноте коридора.

Дурацкое предупреждение. Я пожала плечами и вышла на сцену.

Свет залил меня тёплым жёлтым, похожим на мёд. Я подняла скрипку, закрыла глаза и начала играть Чайковского. Первая часть — синяя, спокойная, как утро над озером. Вторая — зелёная, с проблесками золота. Третья третья всегда была для меня красной. Опасной. В ней нужно было взять верхнее «си» на пианиссимо, и каждый раз я боялась, что струна лопнет.

Я почти дошла до середины третьей части, когда погас свет.

Не плавно, не как в кино. Резко. С щелчком. Зал погрузился в абсолютную тьму. Я на секунду растерялась, но мои пальцы продолжали играть — они знали эту музыку лучше,

чем я сама. Я играла на ощупь, полагаясь на слух.

И тут я услышала эхо.

Не свою музыку. Его. Кая. Оно осталось в зале, застряло в стенах, в струнах рояля, в деревянных панелях. И сейчас, в темноте, это эхо начало смешиваться с моей игрой. Синий океан Чайковского столкнулся с рваными серыми трещинами Шнитке. И из этого столкновения родилось нечто третье.

Я увидела фиолетовый. Не просто фиолетовый — такой плотный, почти чёрный, с пульсирующими прожилками, как вены. Он заполнил всё пространство, сжал мою грудную клетку, заставил мои пальцы сбиться с ритма.

Я взяла фальшивую ноту.

Впервые в жизни на конкурсе.

Резко опустила смычок. Тишина. Зал всё ещё молчал, не понимая, что случилось. Потом свет включился — и грянули аплодисменты. Они были как золотой дождь, но я их почти не видела. Я смотрела в зал, искала Кая. Его не было.

Я выбежала за кулисы, потом в фойе. Люди в смокингах с бокалами. Жюри что-то обсуждает. Моя мама с круглыми глазами: «Лена, ты была великолепна, эта фальшивая нота — ничего страшного!»

— Где парень, который играл до меня? — спросила я.

— Кажется, ушёл. Оставил свой рюкзак.

Я увидела его на стуле у выхода. Обычный чёрный рюкзак, потёртый, с нашивкой какой-то группы. Внутри — только наушники. Большие, студийные, с толстыми амбушюрами.

На них была наклейка: «Резонанс-проект. Не включать без сопровождающего».

Я должна была послушаться. Я знала это слово — «резонанс». Физика, седьмой класс. Но внутри меня всё ещё пульсировал тот фиолетовый, и мои пальцы дрожали.

Я надела наушники.

Сначала была тишина. Не та тишина, которая бывает в комнате, когда все ушли. Абсолютная. Вакуумная. Такая, от которой закладывает уши.

Потом — звук.

Я не могу его описать. Его нельзя было увидеть цветом. Это была не нота, не шум, не скрежет. Это было давление. Как если бы кто-то взял мой мозг и сжал его с двух сторон. В ушах возникла боль — острая, режущая, как будто туда вонзили иглы.

Я хотела снять наушники, но не смогла пошевелиться. Тело меня не слушалось. И тогда звук стал громче.

Я закричала. Вернее, я открыла рот, но из него не вырвалось ни звука. Я увидела, как из моего носа течёт кровь — красная, алая, совсем не такая, как музыка Чайковского. Кровь капала на белый воротник моей блузки.

А потом всё кончилось.

Я очнулась в больнице. Белые стены, запах хлорки, мама плачет у кровати. Врач с усталым лицом объясняет что-то про «сенсоневральную тугоухость» и «врождённую аномалию, которую спровоцировал скачок напряжения».

— Слух не восстановится, — сказал он. — Есть шансы, но они минимальны.

Я смотрела на его губы, но не слышала его голоса. Вообще ничего не слышала. Мир стал немым кино.

Мама потом рассказывала, что Кая искали. Его рюкзак исчез из фойе вместе с наушниками. Никто не знал его адреса, никому из жюри он не был знаком — его заявили как самовыдвиженца. Как будто его и не существовало.

Я лежала в больничной палате и перебирала в голове последние минуты. Та нота, которую я взяла фальшиво. Фиолетовый цвет. Его слова: «Ты услышишь то, что не должна».

Он знал.

Я закрыла глаза и впервые в жизни попыталась представить тишину. Не как отсутствие звука, а как живое существо. Оно лежало на моей груди и шептало:

«Ты больше никогда не увидишь музыку. Но ты запомнила ту последнюю ноту. Это был не звук. Это был кто-то, кто не хотел, чтобы ты его слышала.»

Мне было шестнадцать, когда я потеряла слух. Через год я встретила Кая снова.

Но это уже совсем другая история.

Глава 1. Тишина имеет вес

Я научилась измерять тишину в килограммах.

Раньше, когда я слышала, тишина была лёгкой. Она просто наступала, когда заканчивалась музыка, и висела в воздухе, как пыль в луче солнца. Её можно было не замечать.

Сейчас тишина давит.

Она просыпается вместе со мной — кладёт тяжёлую ладонь на грудь, не даёт вздохнуть полной грудью. Она сидит на краю кровати, когда я пью утренний кофе, и смотрит на меня пустыми глазницами. Она идёт за мной в душ, в школу, в магазин. Она ложится рядом ночью и шепчет: *«Никогда. Ничего. Ни звука»*.

Сегодня утром тишина весила ровно 37 килограммов. Я знаю, потому что встала на весы — сначала одна, потом с собакой соседей, которую попросили присмотреть. Мопс весит 13 кило. Значит, тишина — 24.

Ладно, я вру. Тишину нельзя взвесить. Но когда ты её не слышишь уже 368 дней, начинаешь придумывать способы её измерить. Иначе сойдёшь с ума.

Я открываю глаза. Потолок — белый, с трещиной в углу, похожей на молнию. Вибрация от холодильника доходит до кровати через пол — едва заметное жужжание в подушечках пальцев. Раньше я слышала его гул. Сейчас только чувствую.

Телефон на тумбочке мигает синим. Мира написала вчера

в 23:47: *«Завтра не опаздывай. У меня для тебя сюрприз».*

Мира — моя лучшая подруга. Единственный человек, который не смотрит на меня с жалостью. Она говорит, что я «крутая глухая тёлка» и что у меня «иммунитет на школьные сплетни». Наверное, это комплименты.

Я пишу в ответ: *«Если сюрприз — это вечеринка, я убью тебя вибрацией от басов».*

Она отвечает через три секунды: *«Без спойлеров. Жду у школы в 8:15».*

Мне семнадцать, я учусь в обычной московской школе, хотя полгода назад сидела на домашнем обучении. Мама настаивала на возвращении. Сказала: «Ты не можешь всю жизнь просидеть в четырёх стенах». Я не спорила. Спорить с мамой, когда ты её не слышишь, — занятие для самоубийц. Она плачет, а ты видишь только дрожащие плечи и не знаешь, что сказать.

В школе я — девочка с «особыми потребностями». Учителя говорят громче, чем нужно (как будто это поможет), одноклассники отводят глаза, а некоторые (Дима Королёв, привет тебе) показывают средний палец и смеются. Я читаю по губам достаточно хорошо, чтобы понять: «Эй, глухая, ты чё, не слышишь?» Остроумно. Триста лет такой шутке.

Собираюсь за десять минут. Джинсы, чёрный свитер, кроссовки. Волосы собираю в пучок — не потому что модно, а потому что не хочу, чтобы они щекотали лицо. Когда ты не слышишь, каждый неожиданный тактильный контакт

— это как удар током.

Наушники. Всегда с собой. Не чтобы слушать музыку (ирония судьбы), а чтобы все вокруг думали, что я слушаю. Глухой человек в наушниках — это нормально. Глухой человек без наушников — это диагноз, который видно.

Выхожу из подъезда. Октябрь, утро серое, сырое, небо похоже на старую простыню. Листья шуршат под ногами — я не слышу шороха, но чувствую, как они хрустят под подошвой. Запах мокрого асфальта и бензина. Дворник скребёт лопатой по асфальту — вибрация идёт через землю, через подошву, через пятки. Я уже научилась различать вибрации: шаги человека (тяжёлые, редкие), колёса машины (ровные, частые), хлопанье двери (резкое, короткое).

Это не слух. Это эхолокация для бедных.

До школы пятнадцать минут пешком. Я иду по маршруту, который знаю наизусть. Поворот у жёлтого дома, перейти дорогу на зелёный (вибрация от светофора не меняется, но я смотрю на сигнал — не полная дура), обойти лужу у остановки. Мир вокруг — немая картина. Люди разговаривают, но я вижу только шевелящиеся губы и жесты. Иногда мне кажется, что я смотрю кино без субтитров. Скучное кино.

Мира ждёт у входа в школу. Рыжая, как пожарная машина, кудри торчат во все стороны. На ней ярко-розовое пальто, которое видно за километр. Она что-то говорит — я вижу движение губ, но разбираю только первое слово.

— Привет, — говорю я, подходя ближе.

Она улыбается и показывает на свою сумку. Там что-то шевелится.

— Что это? — я прищуриваюсь.

Мира достаёт из сумки котёнка. Маленького, чёрного, с огромными жёлтыми глазами. Котёнок открывает рот — наверное, мяукает, но я не слышу. Зато вижу, как у него вибрируют усы.

Мира жестикулирует. Я читаю по губам: «Подобрала вчера у метро. Замёрз. Назовём Тиша».

— Ты серьёзно? Тиша?

Она кивает и протягивает котёнка мне. Я беру его — он лёгкий, как пачка масла, и тёплый. Котёнок трётся носом о мою ладонь, и я чувствую вибрацию — очень слабую, высокую, как комариный писк. Наверное, он мурлычет.

И тут я делаю то, чего не делала уже год. Я закрываю глаза. И прижимаю котёнка к уху.

Мира замирает. Я знаю, как это выглядит со стороны — глупая девчонка прижимает кота к мёртвому уху. Но я не проверяю слух. Я проверяю, не вернулась ли та способность. Видеть музыку.

Ничего. Только тепло. И вибрация, которая не превращается в цвет.

Открываю глаза. Мира смотрит на меня с тревогой.

— Всё нормально, — говорю я. — Просто хотела проверить.

Она не верит. Я читаю по губам: «Тоскуешь?»

Я не отвечаю. Потому что ответ — «каждую секунду». Но я не могу произнести это вслух. Слова превращают тоску в реальность.

Первый урок — литература. Мы проходим «Преступление и наказание». Учительница, Марья Ивановна, говорит медленно и артикулирует, как диктор на радио. Я читаю по губам, но через десять минут устаю и начинаю смотреть в окно. Дождь по стеклу — я не слышу капель, но вижу, как они бегут вниз, и почему-то это меня успокаивает.

В конце урока Марья Ивановна объявляет что-то. Я не успеваю прочитать. Поворачиваюсь к Мире: «Что?»

Та пишет в телефоне: *«Проект по музыке. Выбрать композитора. Слушать. Писать. Реферат. Срок. Две недели»*.

Я смеюсь. Вслух. Громко. Весь класс оборачивается. Марья Ивановна неодобрительно поджимает губы.

— Проект по музыке, — говорю я. — Мне. Которая не слышит.

Кто-то хихикает. Я не слышу смеха, но вижу, как трясутся плечи одноклассников. Дима Королёв с задней парты показывает большой палец вниз. Я отворачиваюсь.

Мира пишет: *«Я сделаю. Вместе»*.

Я киваю. Но внутри — то самое чувство. Когда тебя тыкают лицом в то, чего ты лишилась. Спасибо, школьная программа. Я уже и так знаю, что я сломанная. Не надо напоминать.

После уроков я иду в парк. Не домой. Не могу домой. Ма-

ма работает до вечера, в квартире тишина, и эта тишина — не 37 килограммов. Она весит тонну.

Парк осенью — пустой, мокрые скамейки, голые ветки. Я сажусь на ту, что ближе к пруду. Утки плавают — открывают клювы, но я не слышу криканья. Просто вижу, как вода расходится кругами.

Я достаю наушники. Не те, что из пролога. Обычные. Надеваю их на голову, хотя знаю, что это бессмысленно. Просто ритуал.

И тут я чувствую вибрацию. Не такую, как от холодильника или шагов. Другую. Она идёт откуда-то слева, пульсирует, как второй пульс. Я поворачиваю голову.

На соседней скамейке сидит парень. В чёрной толстовке с капюшоном. Лица не видно — он низко опустил голову. Но я узнаю его по позе. По тому, как он сжимает пальцы в кулаки. По тому, как его плечи напряжены, будто он готовится к удару.

Кай.

Моё сердце пропускает удар. Я вскакиваю. Наушники падают в лужу.

Он поднимает голову. Те же светлые волосы, те же синие глаза с красными прожилками. Но он выглядит старше. И хуже. Под глазами — фиолетовые круги. Губы сжаты в нитку.

Он смотрит на меня. Я читаю по его губам одно слово: — Ты.

Не вопрос. Не приветствие. Просто факт.

Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Он не двигается. Только смотрит — и в этом взгляде есть что-то, отчего у меня немеют пальцы.

Я подхожу вплотную. Он не отодвигается. Я вижу, как на его шее бьётся жилка.

Я открываю рот и говорю. Голосом, который я сама не слышу:

— Ты знал, что это случится. Ты знал, что эти наушники что я

Он перебивает. Я читаю:

— Не надо. Не здесь.

— Где?

Он встаёт. Он выше меня на голову. Смотрит сверху вниз, и в его глазах — усталость. Такая глубокая, будто ему не семнадцать, а семьдесят.

Он достаёт из кармана телефон, печатает, поворачивает экраном ко мне:

«Завтра. В консерватории. В 19:00. Приходи одна. Без подруги».

Я хочу спросить «зачем». Он уже уходит. Быстро, почти бегом. Я смотрю ему вслед, и тишина вокруг меняет свой вес. Она становится легче.

Или тяжелее. Я ещё не поняла.

Глава 2. Консерватория

Я не спала всю ночь.

Вернулась домой, скинула мокрые кроссовки у порога, прошла на кухню. Мама оставила ужин в мультиварке — тёплый, с запахом укропа. Я не чувствовала запаха, но видела пар, поднимающийся над тарелкой. Ела механически, не понимая вкуса.

Телефон Миры разрывался от сообщений: *«Ну чё? Дошла?»*, *«Лен, ты где?»*, *«Я позвоню маме, если не ответишь»*.

Я написала одно: *«Встретила того парня. Кая. Назначил встречу завтра в консерватории. В 19:00»*.

Мира ответила через три секунды: *«Ты чё, с ума сошла? Это он тебя в тот вечер... Лен, не ходи. Я с тобой»*.

«Сказал прийти одной».

«И ты слушаешься? Это какой-то маньяк!»

Я не ответила. Потому что Мира не понимала. Она не чувствовала ту пульсацию в консерватории год назад. Она не видела фиолетовый. Она не теряла слух, надев чужие наушники.

Кай был единственным, кто мог объяснить, что со мной случилось.

Я легла в 23:00. Долго смотрела в потолок, считая трещины. Тишина лежала на груди тяжёлым одеялом. Я думала

о его глазах. Красные прожилки. Усталость. Страх? Нет, не страх. Что-то другое. Будто он ждал этого момента годами и одновременно боялся его.

Заснула под утро. Снилось скрипка. Синяя. Она плыла в чёрной воде, а я не могла до неё дотянуться.

В консерваторию я пришла за пятнадцать минут до назначенного времени.

Октябрьский вечер опустился на Москву рано. Фонари горели жёлтым, лужи на тротуаре отражали свет, и от этого казалось, что под ногами рассыпаны золотые монеты. Я остановилась у знакомых колонн. Малый зал Гнесинки. То самое место.

Здание не изменилось. Те же высокие двери с медными ручками, та же вывеска с буквами, которые я видела тысячу раз. Но внутри всё было по-другому. Я чувствовала это через ступни — вибрация здесь была *иной*. Не такой, как на улице. Более глубокой. Более живой.

Я толкнула дверь.

Вестибюль тонул в полумраке. Гардеробщица дремала за стойкой, укрывшись вязаным пледом. Я проскользнула мимо, не замеченная. Старые деревянные ступени скрипели под ногами — я чувствовала скрип как вибрацию, идущую от подошвы к коленям. Поднималась на второй этаж, туда, где был Малый зал.

Дверь в зал была приоткрыта.

Я замерла на секунду. Сердце стучало где-то в горле. Я

сделала глубокий вдох — холодный воздух пах пылью, старыми инструментами и чем-то сладким, похожим на ваниль. Толкнула дверь.

Зал был пуст. Ряды кресел темнели в полутьме, сцена в глубине освещалась тусклым красноватым светом — дежурное освещение, которое оставляют на ночь. Рояль стоял на сцене, чёрный, блестящий, как огромный жук.

И за роялем сидел Кай.

Он не играл. Просто сидел, положив руки на крышку инструмента, опустив голову. Услышал мои шаги — поднял глаза. В красноватом свете его лицо казалось ещё более бледным, а синева под глазами — почти чёрной.

Он не улыбнулся. Просто кивнул на соседнее кресло в первом ряду.

Я села. Он остался на сцене. Между нами было метров десять, но я чувствовала его вибрацию — она пульсировала в воздухе, как второй пульс. Так же, как год назад.

Он достал телефон, напечатал что-то и спустился со сцены. Протянул мне экран:

«Ты пришла. Я не думал, что ты придёшь».

Я взяла телефон, стёрла его сообщение, напечатала своё:

«Ты знал, что случится. Ты предупреждал меня в тот вечер. Что это было?»

Он прочитал, нахмурился. Забрал телефон, напечатал ответ. Протянул.

«Резонанс. Ты — резонансная. Как и я. Мы слышим не

звук. Мы слышим частоту друг друга. И когда две частоты встречаются...» Он замялся, потом дописал: *«Они либо дополняют друг друга, либо разрушают».*

Я смотрела на экран, не веря. Резонансная? Это звучало как бред. Как сценарий дешёвого фантастического фильма.

Я напечатала: *«Ты хочешь сказать, что я потеряла слух из-за... какой-то частоты?»*

Он прочитал, покачал головой. Напечатал быстро, почти без пауз:

«Ты потеряла слух, потому что надела наушники, в которых был блокиратор. Их положил не я. Кто-то хотел, чтобы ты замолчала. Навсегда».

Мир качнулся. Я вцепилась в подлокотники кресла. Кто-то *хотел*, чтобы я оглохла? Это не был несчастный случай? Не врождённая аномалия?

Я напечатала дрожащими пальцами: *«Кто?»*

Кай посмотрел на меня долгим взглядом. Потом напечатал одно слово:

«Алиса».

Незнакомое имя. Ничего не сказало мне.

«Кто это?»

Он не ответил. Спрятал телефон в карман, встал и подошёл ближе. На расстояние вытянутой руки. Я видела каждую чёрточку его лица — шрам на подбородке, родинку над губой, ресницы, такие светлые, что почти белые. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, отчего у меня перехва-

тило дыхание.

— Я должен кое-что показать, — сказал он. Я прочитала по губам. — Не бойся.

Он протянул руку. Ладонью вверх. Не касаясь.

Я поняла без слов. Он хотел, чтобы я положила свою ладонь на его.

Медленно, боясь спугнуть момент, я подняла руку. Пальцы дрожали. Я коснулась его ладони — сухой, горячей, с моzoлями на подушечках. Пианист. Конечно.

И мир взорвался.

Я услышала.

Не ушами. Не так, как раньше, когда я видела музыку цветом. Это было иначе. Его частота вошла в меня через кожу, через пальцы, через запястье — и ударила прямо в мозг. Я услышала низкий гул, похожий на бас виолончели, но в тысячу раз сильнее. Он пульсировал в такт моему сердцу, и я чувствовала, как мои собственные клетки начинают вибрировать в ответ.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, и почувствовала вкус металла. Тёплая жидкость потекла из носа. Кровь.

Я отдернула руку. Кай отшатнулся, его лицо исказилось — боль? страх? Он вытащил телефон, дрожащими пальцами напечатал:

«Прости. Я не хотел. Я не умею это контролировать. Каждый раз, когда я приближаюсь к кому-то...»

Я вытерла кровь тыльной стороной ладони. Посмотрела

на неё — красную, почти чёрную в тусклом свете. И улыбнулась.

Я слышала. Не как раньше, но слышала. Этот гул, этот бас, эту пульсацию. Это было больно. Это было страшно. Но это было *живое*.

Я взяла его телефон, стёрла его сообщение, напечатала своё:

«Ещё».

Он посмотрел на меня так, будто я сошла с ума. Покачал головой. Напечатал:

«Ты умрёшь. Если мы продолжим, твои сосуды не выдержат».

«Мне всё равно».

Я не врала. Год в тишине — это год в могиле, только ты ещё ходишь и дышишь. Я готова была умереть, лишь бы снова почувствовать. Хоть что-то.

Кай сжал челюсти. Я видела, как на его шее вздулась жилка. Он боролся с собой — это читалось в каждой линии его тела.

Потом он кивнул. Протянул руку снова.

Я не колебалась. Вложила свою ладонь в его.

Гул вернулся. Громче. Ниже. Он заполнил всю мою грудную клетку, и я почувствовала, как моя собственная частота — та, о существовании которой я не подозревала — начала отвечать. Не словами. Не звуками. Чистой вибрацией.

Моя частота была высокой. Очень высокой. Как звон ко-

локольчика, только в тысячу раз тоньше. Она встретила с его басом — и они начали танец. Не сливаясь, не разрушая друг друга. Просто звуча вместе.

Кровь из носа потекла сильнее. Я чувствовала её вкус на губах. Но я не отдернула руку. И он не отдернул.

В какой-то момент я услышала — нет, *почувствовала* — его мысли. Не слова. Образы. Серый город. Дождь. Одиночество. Страх причинить боль. И где-то глубоко — маленькое, тлеющее воспоминание о музыке. О том, как он играл Шопена в пустом зале, и никого не было рядом, и это было прекрасно.

А потом — вспышка. Другой образ. Маленький мальчик, лет семи, сидит в белой комнате без окон. На голове — шлем с проводами. Взрослые в белых халатах что-то записывают в планшеты. Мальчик плачет, но никто не обращает внимания. Это Кай. Маленький Кай в проекте.

Я хотела увидеть больше, но он отдернул руку первым.

Я открыла глаза — не заметила, когда закрыла. Голова кружилась, перед глазами плыли фиолетовые круги. Но я улыбалась.

Он стоял, сжимая кулаки, тяжело дыша. Потом взял телефон и напечатал:

«Хватит на сегодня. Ты потеряла слишком много крови. Я отвезу тебя домой».

Я хотела возразить, но ноги подкосились. Мир накренился. Кай успел подхватить меня за локоть.

Его прикосновение было осторожным. Боязливым. Как будто он держал в руках бомбу.

В такси мы молчали. Он сидел на другом конце сиденья, вжавшись в дверь. Я смотрела на него и думала: этот человек может убить меня одной своей частотой. Но он боится даже дышать в мою сторону.

Я достала телефон, напечатала: *«Что с тобой сделали в проекте?»*

Он прочитал. Долго не отвечал. Потом написал:

«Они хотели сделать из меня оружие. Заставляли убивать. Животных. Потом людей. Я отказался. Тогда они сказали, что найдут другого».

Он замолчал. Дописал:

«Я уничтожил лабораторию. Вместе со всеми, кто там был. Не хотел. Моя частота вышла из-под контроля».

Я смотрела на экран. Представила того маленького мальчика в белой комнате. Плачущего. Никому не нужного.

«Тебя искали?» — спросила я.

«Да. Нашли. Я сбежал. С тех пор прячусь».

Мы остановились у моего дома. Я вышла. Он остался в машине.

Я обернулась. Он смотрел на меня через стекло, и в его глазах было что-то, отчего мне захотелось вернуться. Сестрядом. Взять его за руку снова. Даже если это убьёт меня.

Но машина уехала.

Я поднялась в квартиру, прошла в ванную, посмотрела

в зеркало. Лицо бледное, под носом — засохшая кровь. Я улыбнулась своему отражению.

Впервые за год тишина не давила.

Потому что теперь я знала: она не вечна.

Где-то внутри меня звучала его частота. Низкий бас. Гул виолончели. Пульс, который не совпадал с моим.

Я закрыла глаза и снова увидела фиолетовый.

Глава 3. Частоты

Три дня я провалялась в постели.

После той ночи в консерватории мир превратился в вату. Голова кружилась, из носа то и дело шла кровь — не сильно, по чуть-чуть, но достаточно, чтобы мама начала паниковать. Она водила меня к врачам. Лор, невролог, опять лор. Все разводили руками: «Посттравматический синдром, обострение, ей нужен покой».

Никто не знал правды. Я не рассказывала.

Как объяснить, что я почти умерла от того, что *услышала* чужую душу? Как сказать маме: «Я резонансная, и парень, которого ты не знаешь, чуть не убил меня своей частотой»? Она решит, что у меня шизофрения. Запросто.

Поэтому я молчала. Лежала в кровати, смотрела в потолок и слушала — нет, не слушала, *вспоминала* — тот гул. Бас виолончели. Пульсацию, которая вошла в меня через пальцы и осталась где-то под рёбрами.

Он не ушёл. Кай. Его частота. Она застряла во мне, как заноза. Или как семя. Я не знала, какое сравнение точнее. Но знала одно: теперь я носила в себе частицу его.

На третий день я впервые попыталась вызвать эту частоту сама.

Закрыла глаза, расслабилась, попыталась вспомнить то чувство — его бас, обвивающий мою высокую ноту. Сначала

ла ничего не происходило. Потом, где-то глубоко в груди, я почувствовала слабую вибрацию. Не его. Мою. Она была похожа на звон тонкой струны, натянутой до предела. Я испугалась и открыла глаза.

Вибрация исчезла.

Я попробовала снова. И снова. Каждый раз — страх, и частота пряталась. Я злилась на себя, но ничего не могла с собой поделать.

На четвёртый день я встала. Голова была лёгкой, но ноги держали. Я умылась, натянула джинсы, свитер. Решила выйти — не в школу, просто в парк, к тому месту, где мы встретились.

Телефон пикинул. Мира:

«Ты жива? Я уже хочу звонить в морг».

«Жива. Выхожу в парк».

«Я с тобой».

«Не надо. Я одна».

Она не ответила. Я знала, что она обиделась. Но Мира не поймёт. Она не чувствует то, что чувствую я. Ей не нужно.

Парк был пустым. Осень срывала последние листья, они кружились в воздухе, и я почти слышала их шорох — почти, но нет. Тишина вернулась. Тяжёлая, давящая, она снова легла на плечи.

Я села на ту же скамейку. Достала наушники — не те, из пролога, обычные. Надела. Белый шум внутри пластика. Ничего.

И тут я почувствовала вибрацию. Не от земли, не от шагов. Другую. Более глубокую. Она шла откуда-то слева.

Я повернула голову.

На соседней скамейке сидел старик. Седая щетина, сутулые плечи, старый потёртый пиджак. В руках он держал настройщик для пианино — маленькую вилку, которую ударял о колено. Я не слышала звука, но видела, как она вибрирует.

Старик поднял голову. У него были выцветшие голубые глаза, почти белые, и он смотрел прямо на меня.

Я не знала его. Но он явно знал меня.

Он поднялся — медленно, с кряхтением — и подошёл. Я не шелохнулась. Что-то в его лице было знакомым. Не внешностью — выражением. Будто он видел то, чего другие не видят.

Он сел рядом. Достал из кармана блокнот и ручку. Написал корявым почерком, развернул:

«Ты — Лена. Та самая девочка, которая выжила после резонанса».

Я уставилась на бумагу. Потом на него. Кивнула.

Он снова написал:

«Меня зовут Аркадий Ильич. Я настройщик пианино. И я знаю, что с тобой случилось».

Я взяла ручку из его рук. Пальцы дрожали. Написала:

«Вы тоже резонансный?»

Он прочитал, усмехнулся. Кивнул. Написал:

«Был. Тридцать лет назад. Пока не убил свою жену».

Я замерла. Сердце пропустило удар. Я смотрела на эти слова, и они не укладывались в голове. Убил. Свою жену. Частотой?

Аркадий Ильич не ждал моей реакции. Писал дальше:

«Мы с Каем — из одного проекта. Резонанс-проект. В девяностых нас искали, собирали, изучали. Думали сделать оружие. Не вышло. Слишком непредсказуемые».

Оружие. Я читала это слово и чувствовала, как холодок ползёт по спине.

«Кай сбежал из проекта в четырнадцать. Его искали. Нашли — он уничтожил лабораторию. С тех пор скрывается. Не подпускает никого».

Я написала: *«Почему он не убил меня? В консерватории».*

Аркадий посмотрел на меня долгим взглядом. Написал:

«Потому что твоя частота — противоположность его. Он — бас, разрушение, низ. Ты — пикколо, высокое, созидание. Вы не уничтожаете друг друга. Вы дополняете. Таких пар почти не бывает».

Я перечитала это три раза. Дополняем. Не уничтожаем.

«Значит, я могу быть рядом с ним?»

Старик покачал головой. Написал:

«Можешь. Но если не научишься контролировать свою частоту — она сожжёт тебя изнутри. И его заодно».

Я посмотрела на свои руки. Обычные руки семнадцатилетней девочки. В них не было ничего опасного. Ничего необычного.

Но внутри — под рёбрами, где застряла частота Кая — что-то пульсировало. Живое. Горячее.

«Научите меня», — написала я.

Аркадий Ильич долго смотрел на меня. Потом написал:

«Это будет больно. Ты готова платить кровью?»

Я не колебалась. Кивнула.

Он усмехнулся — грустно, по-стариковски. Написал:

«Завтра. В консерватории. В шесть утра. Приходи одна.

И возьми скрипку».

Скрипка.

Она лежала в шкафу год. Я не прикасалась к ней после больницы. Мама предлагала продать — я сказала нет. Не могла объяснить почему. Просто не могла.

В тот вечер я открыла шкаф. Скрипка лежала в чёрном кейсе, покрытая тонким слоем пыли. Я провела пальцем по крышке — осталась полоса.

Я открыла кейс.

Она была такой же, как я помнила. Тёплого дерева, с тёмными прожилками, с потёртостями на грифе. Струны ослабли за год. Я натянула их, чувствуя, как они вибрируют под пальцами.

Я подняла скрипку к подбородку. Взяла смычок.

И замерла.

В прошлый раз, когда я держала её, я могла играть. Слышать. Видеть музыку синей, красной, зелёной.

Сейчас я только чувствовала вибрацию струн через под-

бородок. Глухую. Немую.

Я провела смычком. Скрипка запела — я не слышала этого, но знала, что она поёт. Моя рука помнила каждое движение. Палец ставил ноты автоматически.

Я играла. В полной тишине. Для себя. Для струн, которые вибрировали, но не издавали для меня ни звука.

Слёзы потекли по щекам. Я не вытирала их. Просто играла. Чайковского. Ту самую третью часть.

В середине я сбилась. Пальцы задрожали. Я опустила скрипку, прижала её к груди, как ребёнка, и прошептала:

— Я научусь. Я снова услышу.

Струны молчали.

Но где-то внутри — под рёбрами — частота Кая отозвалась. Низкий бас. Гул. Обещание.

В консерваторию я пришла в 5:45.

Утро было серым, фонари ещё горели, лужи за ночь покрылись тонкой корочкой льда. Скрипку я несла в левой руке, правой держалась за ремень сумки.

Аркадий Ильич уже ждал у входа. В руках — термос с кофе. Кивнул мне, толкнул дверь.

Внутри было темно. Он вёл меня через коридоры, не включая свет — шёл на ощупь, как слепой. Я доверилась. Мы поднялись на третий этаж, вошли в маленькую комнату без окон. Внутри стояло только пианино и два стула.

Аркадий зажёл тусклую лампу. Поставил термос на пианино. Достал блокнот.

Написал: «Садись».

Я села на стул. Он сел напротив. Между нами был метр пустоты.

«Твоя частота — звук, который издаёт твоя душа. Ты не слышишь её, потому что привыкла. Но другие резонансные чувствуют. Кай почувствовал тебя ещё год назад. Поэтому и предупредил».

Я кивнула.

«Чтобы управлять частотой, нужно её услышать. Саму себя. Ты готова?»

Я написала: «Что я должна делать?»

Аркадий поставил на пианино камертон. Ударил по нему — я не услышала звука, но увидела, как вилка задрожала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.